

Человек-попугай

Тори Рей-Роуз

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тори Рей-Роуз

Человек-попугай

«Автор»

2026

Рей-Роуз Т.

Человек-попугай / Т. Рей-Роуз — «Автор», 2026

В центре истории — Пит, артист с непростой судьбой: в детстве его дразнили из-за отсутствия правого глаза, и старые комплексы до сих пор дают о себе знать. Несмотря на плотный гастрольный график и возражения своего менеджера Эрни, Пит откликается на отчаянный зов Элизабет: её сын почти не спит, вздрагивает от каждого шороха, и женщина не знает, как до него достучаться. Пит едет не ради щедрого гонорара — он чувствует, что по-настоящему нужен мальчику. Рядом с ним — неизменный Эрни: встревоженный, пекущийся о расписании, но всё равно готовый поддержать. Яркий, броский костюм Пита — не попытка впечатлить, а своеобразная броня, помогающая держаться уверенно. Герою важно не напугать ребёнка и не дать тому подумать, что артист пришёл ради шоу: в мальчике он словно видит себя из прошлого — того самого мальчика, который прятал лицо в колени и боялся поднять глаза. Однако Пит наживает себе врага и получает прозвище человек-попугай из-за своей яркости и юности герою всего 18 лет. Повязка на глазу

© Рей-Роуз Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Новый обитатель дома	5
Глава вторая	8
Повязка	8
Глава третья	10
Полный You spin me round	10
Глава четвёртая	14
Шторм начинается	14
*****	16
Глава пятая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Человек-попугай

Глава первая

Новый обитатель дома

Я приехал в дом богатой женщины не ради денег. Хотя предложение было щедрым — столько, что хватило бы на новый тур, на студию, на десяток костюмов, которые потом разлетались бы на сувениры за пять минут. Но я согласился не из-за этого. Так повелось, что несмотря на все трудности у меня очень добрая душа, и поэтому я не смог отказать

Когда Элизабет позвонила, её голос звучал так, будто она говорила, присев на краешек стула, чтобы не рухнуть окончательно: тихий, с этими короткими паузами, когда человек старается не дать дрожи пробраться в слова. «Он почти не спит. Он вздрагивает от каждого шороха. Я не знаю, как до него достучаться», — сказала она, и я услышал, как где-то на фоне тикают часы — громко, нарочито, будто отсчитывают секунды, пока в доме держится хрупкий порядок. А ещё там был какой-то тихий звук — будто кто-то возится с игрушкой, шуршит тканью, и потом резкий короткий вздох, как когда ребёнок пытается сделать вид, что он не плачет. И я вдруг понял: мне не нужны цифры в контракте. Мне нужно было просто оказаться там, где кто-то дрожит, и попробовать сделать так, чтобы дрожь утихла. Да, трубку взял я лично, хотя обычно это делает либо мой менеджер Эрни, либо его секретарь. Эрни, конечно, был против. Он щёлкал пальцами у меня перед носом, как будто это могло вернуть меня в реальность:

— Пит, у тебя тур! У тебя интервью! Ты не можешь просто взять и исчезнуть ради какого-то мальчика! Это самое настоящее безумие!

Его галстук был затянут так туго, что казалось, он сам себя душит от напряжения, а в глазах читалась паника менеджера, у которого рушится график всей жизни. На столе перед ним лежала стопка распечаток: расписание рейсов, список городов, напоминания о пресс-конференциях, и он то и дело постукивал по ним пальцем, будто хотел заставить эти бумаги согласиться с тем, что всё идёт по плану. А я смотрел на него и думал: а что, если этот мальчик — как тот я, который когда-то сидел в углу, прятал лицо в колени и боялся поднять глаза, потому что знал — над ним будут смеяться. Над кудрями, над повязкой, над тем, что я не такой, как все. Моё детство и правда было непростым в школе все дразнили меня из-за того, что у меня нет правого глаза и этот эпизод сильно сказался на моей судьбе, я приобрёл ужасный комплекс от которого никак не мог избавиться

— Я поеду. Я окончательно решил.

— Пит, душа ты моя ранимая, ну зачем тебе это, а? Я понимаю, что тебе предложили большие деньги, но всё таки ...

— Не в деньгах дело, Эрни!

— Ладно, я тебя понял... Решил, значит решил

Эрни вздохнул так тяжело, будто на него свалилась не моя жизнь, а целая вселенная. Но он всё равно поехал со мной — потому что знал: если я вляпаюсь в историю, кто-то должен будет стоять рядом и держать папку с бумагами, будто она может защитить от магии. По дороге он то и дело поправлял очки, оглядывался по сторонам, словно боялся, что стены домов вот-вот сомкнутся над ним, а я смотрел в окно и ловил отражения уличных фонарей в стёклах. В голове крутилась одна и та же мысль: «Только бы не напугать его. Только бы он не подумал, что я пришёл ради шоу». Мой костюм сегодня был особенно пёстрым: изумрудно-зелёный бархат, алый шёлк, полосы лимонного атласа, крошечные зеркала, вспыхивавшие при каждом движении. Я надел его не для того, чтобы произвести впечатление, а чтобы дать себе опору: когда

ты яркий, тебе чуть легче стоять прямо. Под тканью костюма я чувствовал, как натянуты швы — этот наряд был сшит так, чтобы выдерживать резкие движения, прыжки, взмахи руками, но сейчас мне хотелось двигаться медленно, почти незаметно, чтобы не спугнуть того, кто ждёт.

Дом Элизабет встретил нас не просто тишиной — она была какой-то особенной, густой, будто впитала в себя все невысказанные страхи. В холле пахло лавандой и воском, а свет от старинной люстры ложился на пол дрожащими кругами, как будто даже свет тут старался ступать осторожно.

Эрни замер у порога, сжимая папку так, будто она была спасательным кругом.

— Пит, — прошептал он, — может, сначала я с ней поговорю? С Элизабет? Уточню детали... ну, хоть что-нибудь. А если она желает тебе зла а если...

Я покачал головой, не сводя глаз с лестницы, откуда тянулась тонкая ниточка того самого шуршания — будто кто-то водил пальцами по мягкой ткани.

— Тихо-тихо, Эрни успокойся. Она мне не навредит. Не надо деталей, — тихо ответил я. — Мне нужно просто его увидеть.

Элизабет появилась из полумрака коридора — бледная, с тёмными кругами под глазами, но в её взгляде мелькнуло такое облегчение, что оно почти пугало своей силой. Она была в простом но дорогом бежевом платье волосы собраны в пучок красивой жемчужной заколкой.

— Он в своей комнате, — сказала она, и голос её дрогнул лишь на мгновение. — Он... он всё время спрашивает про тебя. После того как я рассказала ему, что ты приедешь... он три часа не выпускал из рук эту игрушку и всё повторял: «Он правда приедет? Он не передумает?».

У меня вдруг перехватило дыхание. Я вспомнил, как сам когда-то цеплялся за любую надежду, что кто-то не уйдёт, не забудет, не решит, что я слишком сложный, чтобы ради меня менять планы.

Мы поднялись по лестнице. Каждый шаг отдавался в груди, как удар. Перед дверью я остановился, глубоко вдохнул, стараясь унять дрожь в пальцах. Костюм казался теперь не опорой, а чем-то чужим, слишком ярким для этой хрупкой тишины.

Когда я приоткрыл дверь, он сидел на подоконнике, подтянув колени к груди, а рядом лежала потрёпанная игрушка — медвежонок с одним глазом, будто специально созданный, чтобы не пугать тех, кто чувствует себя «не такими».

Он замер, увидев меня. Его глаза расширились, и в них на секунду вспыхнул такой чистый, такой оглушительный восторг, что у меня зацепало в горле. А потом... потом он вдруг будто испугался собственной радости — сжался, опустил взгляд, прижал медвежонка к себе, словно хотел спрятать это чувство, будто его могли отобрать за то, что он слишком сильно обрадовался.

— Это... это правда ты? — прошептал он, не поднимая глаз. — Мама сказала, но я думал... я думал, ты только по телевизору...

Я медленно опустился на пол у двери, не делая резких движений, не вторгаясь в его пространство.

— Правда я, — так же тихо ответил я. — И я не уйду, если ты не захочешь.

Он снова поднял на меня глаза, и в них мелькнуло что-то ещё — не только радость, но и недоверие, будто он боялся поверить, что это не сон. Его пальцы судорожно сжимали ткань медвежонка, а губы чуть дрожали.

— Ты... ты будешь петь? — спросил он, и в этом вопросе было столько надежды, что она почти звенела в воздухе. — Или... или просто посидишь?

Я улыбнулся — не широко, не напористо, а так, чтобы он видел: я здесь, я спокойный, я не собираюсь ничего требовать.

— Если хочешь, спою, — сказал я. — Но если хочешь, мы просто посидим. Или ты можешь рассказать мне что-нибудь — хоть про этого медвежонка, хоть про то, что тебе снилось прошлой ночью. Даже если это было страшно. Я посижу и послушаю.

Он чуть расслабил пальцы на игрушке. Ещё не отпустил её — нет, она была его якорем, его защитой. Но плечи опустились на миллиметр, как будто с них сняли невидимый груз. Он покосился на мой костюм, на зеркальца, которые ловили тусклый свет и рассыпали его по комнате крошечными искрами.

— У тебя... как у супергероя, — вдруг тихо сказал он, будто сам удивился, что произнёс это вслух. — Ты не боишься быть ярким.

Я чуть наклонил голову, стараясь поймать его взгляд, но не давить.

— Знаешь, иногда яркий костюм — это просто способ сказать: «Я тут, я не прячусь». Но сегодня я буду тихим. Если ты хочешь тишины.

Он помолчал, будто взвешивал каждое слово, а потом вдруг сполз с подоконника и подполз чуть ближе — не вплотную, но уже не так далеко. Остановился, будто проверяя: не испугаюсь ли я, не сделаю ли резкого движения.

— Можно... можно потрогать одно зеркальце? — прошептал он. — Только одно. Я аккуратно.

В этот момент что-то внутри меня окончательно растаяло. Я кивнул, протянул руку и осторожно повернул рукав так, чтобы одно из зеркалец оказалось прямо перед ним — на расстоянии вытянутой руки, но не вторгаясь в его личное пространство.

— Конечно, — мягко сказал я. — Трогай. Оно крепкое. И знаешь что? Оно отражает свет, но не кричит о себе. Просто показывает, что свет есть.

Он протянул дрожащую руку, коснулся зеркальца кончиками пальцев — еле-еле, будто боялся, что оно исчезнет. И когда оно не исчезло, когда под его пальцами осталась твёрдая, прохладная поверхность, на его лице мелькнула крошечная, робкая улыбка — такая хрупкая, будто она боялась быть замеченной.

— Оно... настоящее, — выдохнул он, и в этом «настоящее» было столько облегчения, что оно накрыло и меня.

Эрни, стоявший в дверях, наконец перестал нервно перебирать бумаги. Он посмотрел на нас, потом тихо прикрыл дверь, оставив нас наедине с этой маленькой, только что родившейся доверительной тишиной.

А я сидел на полу, в своём пёстром костюме, и понимал: мне не нужно было ничего доказывать, никого развлекать. Мне нужно было просто быть здесь — настоящим, не пугающим, тем, кто не уйдёт, когда станет страшно. И, кажется, мальчик это почувствовал.

Глава вторая

Повязка

Он замер, пальцы всё ещё чуть касались зеркальца, а взгляд прилип к моей повязке — будто он пытался сложить из этого кусочка ткани и тёмной ткани какую-то важную, только ему понятную головоломку.

— А больно было? — тихо спросил он, будто боялся, что если скажет громче, я передумаю отвечать.

Я чуть наклонил голову, чтобы ему было удобнее смотреть, но не делал резких движений — пусть разглядывает столько, сколько нужно, чтобы страх перестал быть страшным.

— Не было, — спокойно сказал я. — Я ведь с этим родился. У меня всегда был один глаз так что дело для меня привычное

Он нахмурился, будто такой ответ не очень-то укладывался в его картину мира, где всё должно быть «как у всех».

— Но в школе бы дразнили, — пробормотал он, опуская глаза к медвежонку, которого снова крепко прижал к себе. — Меня в садике дразнили, потому что я плакал, когда мама уходила. Все смеялись.

У меня внутри что-то сжалось — точно так же, как когда-то сжималось у меня самого. Я вспомнил эти коридоры, эти шепотки, эти взгляды, от которых хотелось провалиться сквозь пол.

— Да, — тихо признал я. — Дразнили. Очень. Каждый день. Из-за повязки, из-за кудрей, из-за того, что я слишком громко смеялся или слишком тихо стоял в углу. Особенно мне запомнилось прозвище Пират Пит. Но знаешь, что самое странное? Со временем я понял одну вещь: когда ты не прячешь то, что отличает тебя, оно перестаёт быть поводом для смеха. Оно становится просто частью тебя. Как веснушки. Или любимый цвет.

Он снова поднял на меня глаза — в них ещё плескалась настороженность, но к ней уже примешивалось любопытство.

— А тебе не страшно было? — прошептал он. — Не страшно, что все смотрят?

Я улыбнулся — не широко, чтобы не спугнуть, а так, чтобы в улыбке было видно: я помню этот страх, я его знаю, но я с ним справился.

— Страшно было, — честно признался я. — Очень. Иногда я надевал капюшон, чтобы никто не видел. А потом придумал себе правило: если я выхожу на сцену, я не прячусь. Потому что если я буду прятаться, значит, они победили. А я не хотел, чтобы они побеждали.

Он медленно провёл пальцем по уху медвежонка, будто черпал у игрушки храбрость.

— А если я тоже чего-то боюсь? — едва слышно проговорил он. — Если я вздрагиваю от шорохов и не могу уснуть? Это тоже можно не прятать?

Я пододвинулся чуть ближе — ровно настолько, чтобы он чувствовал: я рядом, но не нависал над ним.

— Можно, — так же тихо ответил я. — Можно сказать: «Мне сейчас страшно». И знаешь, что тогда происходит? Страх становится не таким огромным. Он как тень: когда ты на него смотришь прямо, он уже не кажется чудовищем.

Он покосился на мой костюм, на зеркальца, которые ловили свет и рассыпали его по комнате.

— Твой костюм он тоже про это? Про то, чтобы не прятаться?

Я кивнул.

— Про это. Чтобы, когда я выхожу к людям, они видели: вот он я, со всеми своими странностями, с повязкой, с кудрями, с желанием делать что-то яркое. И если кому-то это не нравится — это их дело. А если нравится значит, найдётся кто-то, кто поймёт.

Он ещё раз посмотрел на повязку, потом на моё лицо, будто складывая всё это в одну картинку, которая наконец-то перестала его пугать. И вдруг тихо, почти шёпотом, но уже без дрожи, сказал:

— Знаешь ты не такой, как все взрослые. Они всё время говорят: «Не бойся», будто страх — это простуда, от которой можно вылечиться таблеткой. А ты ты говоришь, что бояться — это нормально.

Я мягко улыбнулся.

— Потому что это правда нормально. Бояться — нормально. Главное, чтобы рядом был кто-то, кто не скажет: «Да брось, ерунда». А просто посидит рядом. Вот как я сейчас.

Он чуть расслабил плечи, опустил медвежонка на колени, но не выпустил его совсем — тот всё ещё был его опорой. Потом снова потянулся к зеркальцу, уже смелее, и провёл по нему пальцем.

— Можно я ещё немножко посмотрю? — спросил он, поднимая на меня глаза, в которых впервые за всё время мелькнуло что-то похожее на спокойствие. — На твой костюм. И на ну, на тебя. Просто чтобы запомнить, что ты настоящий.

— Конечно, — тихо сказал я. — Смотри сколько хочешь. Я никуда не тороплюсь.

И я остался сидеть на полу, в своём ярком костюме, позволяя этому мальчику разглядывать меня, повязку, зеркальца — всё, что пугало и притягивало его одновременно. И в этой тишине, где больше не было места панике, я чувствовал, как его дрожь понемногу утихает .

Глава третья

Полный *You spin me round*

В комнату, как к себе во владения, без стука вошёл отец мальчика. Зовут его, как я позже выяснил, Стэн Элис, запомните это имя, он здесь отнюдь не последняя фигура.

-Что это за ряженный попугай? — процедил он, и в мой адрес полетел поток из неприятных слов и унижений. Я не повышал голоса. Не делал резких жестов. Просто посмотрел на него — прямо, без злобы, но так, что в этом взгляде было всё: и память о каждом школьном дне, когда надо мной смеялись, и тяжесть всех тех решений, когда приходилось вставать между бедой и теми, кто слабее.

Я просто молча слушал, а потом тихо произнёс заклинание:

-Не следишь за выражением, станешь
моим отражением. Будешь повторять
за мной, так велю: танцуй и пой!

Я театрально щёлкнул пальцами, и.....

— Питер, не надо, — прошептал Эрни, закрываясь папкой, будто она могла хоть как-то защитить от того, что творилось в комнате. Его пальцы побелели от напряжения, костяшки проступили, а в глазах читался не просто испуг — это был ужас человека, который до чёртиков боялся магии, не понимал её и не хотел иметь с ней ничего общего. Но следом в его взгляде мелькнуло и другое — твёрдость. Эрни знал, ради чего я это делаю.

Он уже видел, как мистер Элис давит на Элизабет, как пугает их сына, хоть и находился здесь всего час с лишним. И сейчас, несмотря на страх, он был на моей стороне.

— Пит... — снова выдохнул он, уже не как предостережение, а как молчаливое «я с тобой, даже если это безумие».

В комнате заиграл минус моей песни *You Spin Me Round* — резкий, пульсирующий, будто специально созданный для того, чтобы ломать тишину. Мистер Элис дёрнулся, будто его ударило током, а потом... поплыл. Не по своей воле. Его тело двигалось не так, как он привык — не тяжёлой, уверенной поступью человека, который привык быть главным. Теперь это были рваные, почти кукольные движения: шаг влево, поворот, нелепый взмах рукой, будто кто-то дёргал за невидимые нити. Он пытался сопротивляться — я видел это по глазам. В них мелькнул ужас, смешанный с яростью, но магия держала крепко. Его губы разомкнулись, и вместо очередного унижения из них вырвалось сначала что-то неразборчивое, словно он пытался держаться. Голос звучал странно — будто чужой, слегка искажённый, будто эхо, которое не успевает за ритмом.

Я качнулся вперёд, в такт басу, и бросил короткий взгляд на Эрни — тот сидел, вжавшись в кресло, пальцы вцепились в папку, будто она была якорем в этом безумном шторме. Но в его глазах уже не было только страха: там мелькнуло что-то похожее на упрямое понимание. Он не одобрял, но и не пытался меня остановить. Потому что знал: мистер Элис не умеет слышать обычные слова. Ему нужно было почувствовать. Я снова вскинул руку — и мистер Элис повторил, только у него вышло неуклюже, как у человека, который всю жизнь ходил тяжёлой поступью, а теперь его заставили плясать на цыпочках.

. — *Yeah, I, I got to know your name!* — выкрикнул я, нарочно растягивая гласные, нарочно делая голос звонким, почти издевательски весёлым. И он повторил, слово в слово, будто невидимая нить тянулась от моих губ к его, заставляя произносить каждое слово песни с той же

интонацией. Его лицо искажалось от стыда, щёки пылали, а глаза метались по комнате, будто искали хоть одну точку, за которую можно было бы уцепиться, чтобы вернуть себе контроль. Но магия держала крепко. Бас ударил снова, жёстче, и я закружился, выбрасывая руки в стороны, как будто дирижировал не музыкой, а самим унижением, которое столько лет копилось внутри. И он кружился следом — не в ритме, а в панике, движения выходили рваными, нелепыми, будто тело отказывалось подчиняться даже магии, но она всё равно тянула его вперёд.

— *Well, and I could trace your private number, baby!* — протянул я, чуть склонив голову, и в этот момент поймал его взгляд. В нём была не просто ярость — там была настоящая боль человека, привыкшего быть хозяином положения, а теперь вынужденного играть чужую роль. Он повторил, голос дрожал, но слова звучали чётко, будто магия не позволяла ему запнуться.

— *All I know is that to me you look like you're lots of fun!* — Я сделал шаг к нему, не угрожающе, а почти насмешливо, и он шагнул следом, будто мы танцевали какой-то уродливый дуэт, где один знал шаги, а второй только спотыкался.

— *Watch out, here I come, Open up your lovin arms, I want some!* — выкрикнули мы одновременно: я — громко, почти торжествуя, он — хрипло, с усилием, будто каждое слово царапало ему горло. Песня пошла в припев, и ритм стал плотнее, быстрее, как будто сам минус чувствовал напряжение в комнате и подстёгивал его. Я начал раскачиваться из стороны в сторону, высоко поднимая колени, нарочно утрируя каждое движение, чтобы оно выглядело как можно нелепее. И он повторял, шаг за шагом, колено за коленом, пока не начал задыхаться.

. — *You spin me right round, baby, right round...* — затянул я, кружась на месте, и он закружился следом, сначала медленно, потом всё быстрее, пока не потерял равновесие и не врезался плечом в шкаф. Удар прозвучал резко, как выстрел, но музыка не остановилась, и он тут же выпрямился, будто даже боль не имела права прерывать этот проклятый танец.

— *Like a record, baby, right round, round, round!* — Мы снова пели вместе, и на этот раз его голос уже не пытался звучать уверенно — он просто существовал, как часть заклинания, как эхо, которому не давали затихнуть.

Эрни наконец отложил папку. Пальцы его всё ещё дрожали, но он больше не прятался. Он смотрел на меня прямо, и в его взгляде читалось: «Только не сломай его до конца». И я понял этот взгляд. Я не хотел ломать. Я хотел, чтобы он почувствовал. Я резко поднял руку, обрывая движение, и мистер Элис замер в нелепой позе — с поднятой ногой и вытянутой рукой, будто статуя, которую забыли поставить ровно. На секунду в комнате повисла тишина, нарушаемая только его тяжёлым дыханием и тихим, усталым звуком баса, который всё ещё тянулся из невидимых колонок. Но я не дал тишине закрепиться. Я снова щёлкнул пальцами, и музыка ударила с новой силой — на этот раз я выбрал куплет, где слова были проще, но от этого ещё безжалостнее:

— *I want your love, I need your love...* — пропел я тихо, почти шёпотом, глядя ему прямо в глаза. И он повторил, и в этих словах, произнесённых его голосом, вдруг прозвучало что-то совсем другое — не насмешка, а какая-то горькая правда, будто магия вытащила наружу то, что он столько лет прятал: потребность быть услышанным, понятым, принятым. Даже если он сам себе в этом не признавался. — *God knows, I want your love...* — допел я, и на этот раз он не повторил.

Его губы дрогнули, но звук не вышел. Магия дрогнула, будто сама почувствовала, что дальше уже не про унижение, а про что-то слишком настоящее. Я опустил руку. Щёлкнул пальцами ещё раз — на этот раз без театральности, просто чтобы выключить музыку. Тишина упала в комнату, тяжёлая, густая, как мокрый занавес. В дверях застыла Элизабет — та самая женщина, что позвала меня сюда. Её рука всё ещё лежала на дверной ручке, пальцы побелели, будто она вцепилась в неё, чтобы не упасть. На лице застыло выражение, которое невозможно было описать одним словом: шок, неверие, страх — и что-то ещё, едва уловимое, похожее на

горькое узнавание. Она смотрела на бывшего мужа так, словно видела его впервые — и то, что она увидела, ей совсем не нравилось. И тут мистер Элис невольно подпевал чуть громче, будто пытался перекричать собственный стыд, и от этого становилось только хуже. Он сгорал от унижения, но не мог остановиться. Каждое движение, каждый звук были мне подвластны, и эта власть давила на плечи тяжёлым, холодным грузом... Но я вдруг поймал себя на том, что едва сдерживаю улыбку. Потому что, честно? Это было дико весело. Как будто я наконец-то нашёл пульт от самого невыносимого человека в мире и мог крутить его, как куклу, пока он не поймёт, каково это — быть не в своей тарелке.

Я чуть наклонил голову, наблюдая, как мистер Элис делает ещё один нелепый поворот, и не выдержал — тихо хихикнул.

— Пит, — выдохнула Элизабет, и моё имя прозвучало как просьба о помощи, как крик сквозь толщу воды. Я тут же попытался сделать серьёзное лицо, но уголки губ всё равно предательски поползли вверх. — Простите, — пробормотал я, хотя в голосе не было ни капли раскаяния, — но он сам начал. Магия пульсировала под кожей, горячая и колючая, будто живая, и мне хотелось ещё чуть-чуть поддержать этот момент, растянуть его, как жвачку, чтобы он запомнился навсегда. Но где-то глубоко внутри всё же щёлкнуло что-то другое — не злорадство, не торжество, а просто... усталость от собственной силы.

— Проучили на всю жизнь, магия, остановись!

Мой голос прозвучал неожиданно тихо, почти шёпотом, но в этой тишине он прогремел, как удар грома. Музыка оборвалась резко, будто кто-то выдернул шнур из розетки. Мистер Элис застыл посреди комнаты, тяжело дыша, согнувшись пополам, будто из него выкачали всю силу. Его лицо было мокрым от пота, рубашка прилипла к спине, а глаза... В них было столько стыда и ярости, что на мгновение мне стало по-настоящему страшно. Он медленно выпрямился, не сводя с меня взгляда, и в этом взгляде читался вопрос, который он не решался произнести вслух: «Кто ты такой?» Эрни осторожно опустил папку, его руки дрожали. Но теперь в его глазах было не только потрясение — там мелькнуло что-то вроде уважения. Он понимал: я не ради забавы это сделал. Я защищал мальчика, которого мистер Элис пугал своим напором, своими криками, своим правом быть «главным». И пусть способ был странный, пусть магия — это вообще отдельная история, но цель была правильной. Элизабет сделала шаг вперёд, потом ещё один, пока не оказалась рядом с бывшим мужем. Она не прикоснулась к нему, но её присутствие было как щит, как попытка собрать рассыпавшиеся осколки. — Это... это было заклинание? — тихо спросила она, глядя то на меня, то на мужа, словно пытаясь соединить две несовместимые картинки в одну. Я хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Вместо этого я просто кивнул, и этот короткий, едва заметный жест будто обрушил последнюю стену между нами. Мистер Элис резко выдохнул, будто только сейчас вспомнил, как дышать.

— Ты... ты играешь с тем, чего не понимаешь, — прохрипел он, голос был чужим, надтреснутым, совсем не похожим на тот властный тон, которым он привык раздавать приказы.

— О-о, я-то понимаю, — мурчащим голосом произнёс я, — а вы скоро потеряете собственного сына, потому что вы и не пытаетесь его понять. Он ничего не ответил, а просто выбежал из комнаты. В комнате повисла звенящая тишина. Она была тяжёлой, но не такой, как раньше: теперь в ней не висел густой, застывший ужас — теперь она была живой, дышащей, полной невысказанных слов. Эрни медленно выдохнул, будто только что перестал задерживать дыхание. Он сделал осторожный шаг вперёд, подобрал с пола папку, которую выронил ещё в самом начале, и тихо пробормотал:

— Пит... Ты умеешь произвести впечатление.

Всё моё внимание было приковано к мальчику. Он сидел, сжавшись в тугий комочек, и смотрел на дверь, за которой исчез отец, так, будто боялся, что тот сейчас ворвётся обратно,

ещё более грозный, ещё более громкий. Я медленно опустился на пол — не рядом, а чуть поодаль, чтобы не нарушить его личное пространство, не напугать лишним движением. Мой изумрудно-зелёный бархат и алый шёлк вдруг показались слишком яркими для этой хрупкой тишины, но я не стал прятаться. Пусть видит: я такой, какой есть. Он крепче прижал к себе медвежонка, провёл пальцем по его потрёпанному уху, будто черпал у игрушки храбрость. Он чуть расслабил пальцы на медвежонке. Ещё не отпустил его совсем — нет, игрушка всё ещё была его опорой, его якорем. Но плечи опустились на миллиметр, как будто с них сняли невидимый груз.

— Можно... можно ты просто посидишь тут? — тихо попросил он. — И расскажешь... ну, про что-нибудь. Про сцену. Про костюмы. Про то, как ты не боишься быть ярким. Я мягко улыбнулся.

— Конечно. Расскажу. И знаешь, что самое важное? Тебе не обязательно быть ярким, чтобы быть храбрым. Иногда самая большая храбрость — это просто сидеть и дышать, когда всё вокруг грохочет.

И я остался сидеть на полу, в своём пёстром костюме, позволяя этому мальчику смотреть на меня, на зеркальца, на полоски лимонного атласа — на всё, что делало меня странным, но настоящим. И в этой тишине, где ещё недавно гремел гнев, постепенно начало прорастать что-то новое. Не сразу, не громко, но уверенно — как первый робкий лучик света после долгой, тёмной ночи.

Глава четвёртая

Шторм начинается

Неделя тянулась на удивление спокойно — будто дом наконец выдохнул и позволил себе дышать ровнее. Мне выделили комнату в дальнем крыле: светлая, с высоким окном, откуда по утрам лился мягкий свет, и с таким толстым ковром, что шаги по нему становились почти бесшумными. В ней пахло старой бумагой и чаем — уютно, по-домашнему, и я ловил себя на том, что, переступая порог, невольно выпрямляю плечи: здесь мне рады.

Эрни уехал через пару дней — не потому, что хотел, а потому, что реальность не оставалась: контракты, звонки, расписание, которое нельзя было просто стереть. Мы созванивались по вечерам: он бубнил что-то про «ты там чародействуешь, а у нас тур горит», но в голосе его не было настоящей злости, только привычная тревога менеджера, который боится, что без него всё рассыплется. Я смеялся, обещал, что вернусь, и мы оба знали: пока я здесь, это важнее.

А Ник... Ник расцветал, как цветок, который наконец-то увидел солнце. Мы занимались вокалом в маленькой музыкальной комнате с расстроенным пианино — я не исправлял каждую ноту, не давил, а просто помогал ему услышать свой собственный голос. Он сначала шептал, будто боялся, что звук его выдаст, а потом, день за днём, начинал тянуться к нотам, пробовать их на вкус, как ребёнок пробует конфеты. И когда у него впервые получилось удержать высокую ноту — он замер, будто сам не поверил, а потом расхохотался, и этот смех был самым красивым звуком, который я слышал за последнее время. Но мистер Элис... Он приходил, и дом будто сжимался. Каждый его шаг по коридору отдавался во мне натянутой струной. Он не кричал больше — нет, теперь он выбрал другую тактику: тихие, ядовитые замечания, брошенные мимоходом, как камни, которые не убивают, но оставляют синяки.

— Опять распевается? — процедил он как-то, проходя мимо открытой двери. — Лучше бы делом занялся.

Я стискивал зубы, но улыбался Нику, будто ничего не случилось, будто эти слова не царапали изнутри. Для Ника главное было не показать, что меня задел.

А однажды... Однажды он зашёл, когда мы с Ником сидели на полу и раскладывали карточки с нотами, смеялись над тем, как одна из них упала картинкой вниз и будто обиделась.

— Что за цирк? — рявкнул он, даже не пытаясь скрыть раздражение. — Ты тут устраиваешь балаган, а ребёнок должен учиться быть серьёзным!

Ник сжался, будто хотел стать невидимым. Я медленно поднялся, стараясь не делать резких движений, чтобы не напугать его ещё больше.

— Мы не цирк, мистер Элис, — спокойно ответил я. — Мы учимся слышать музыку. А для этого нужно, чтобы было не страшно ошибиться.

— Не учи меня, как воспитывать сына! — он шагнул ближе, и в его глазах вспыхнула та самая беспомощность, которую он прятал за гневом. — Ты ничего не понимаешь! Ты сам... ты сам чужой здесь!

И вот тут меня накрыло. Не ярость — нет. Просто вдруг стало невыносимо тяжело от этой постоянной необходимости быть непробиваемым, улыбаться, когда внутри всё дрожит, держать лицо, чтобы Ник не испугался. Его слова ударили не как заклинание, а как старая, знакомая боль — та, что я носил с собой с детства, когда каждый взгляд, каждый смешок, каждое «не такой» оставляли шрам. Конечно по глазам Стена было видно что он боялся но как известно это нападение

Я отвернулся, будто разглядывал что-то на стене, а на самом деле просто пытался удержать в себе слёзы, которые подкатили к горлу неожиданно и резко. Ник тихо позвал меня по имени, голос у него дрожал, и это заставило меня собраться. Я глубоко вдохнул, снова повернулся к нему, и на этот раз улыбка получилась не такой ровной, но настоящей.

— Давай продолжим. Если хочешь. - сказал я шмыгнув покрасневшим носом

Ник кивнул, хоть и смотрел на отца с таким испугом, будто ждал, что тот сейчас взорвётся. Но я сел обратно на пол, взял карточку, перевернул её, и сказал самым обычным голосом:

— Смотри, эта нота похожа на птичку, которая только учится летать. Сначала она падает, потом снова взлетает... и так пока не получится.

Мистер Элис постоял ещё мгновение, будто хотел добавить что-то ещё, но, увидев, как Ник снова тянется к карточкам, резко развернулся и ушёл, хлопнув дверью.

И мы снова взялись за карточки. И ноты снова стали птичками, которые учились летать. И в этой маленькой комнате, среди разбросанных карточек и расстроенного пианино, мы потихоньку строили свой островок спокойствия — такой хрупкий, но такой нужный.

Я пошёл попить воды и замер в коридоре, прислонившись к стене, и даже не пытался сделать вид, что не слышу. Слова Элизабет ударили точно в цель — и, кажется, не только в Стэна.

— Этот, как ты его называешь, «ряженный попугай» за неделю сделал для нашего сына больше, чем ты за шесть лет! — голос Элизабет звенел от сдерживаемых слёз и ярости. — Ты приходишь, чтобы показать, какой ты важный, какой правильный, а он приходит, чтобы просто быть рядом. Чтобы Ник не боялся дышать!

Стэн что-то резко бросил в ответ, но я не разобрал слов — в ушах зашумело, будто кто-то поднёс к уху морскую раковину, и в этом шуме крутились все те фразы, что я столько лет слышал в свой адрес: «чудак», «не такой», «вырядился», «пусть лучше делом займётся». Только теперь эти слова вдруг перестали быть про меня. Они стали про то, как легко мы прячемся за насмешками, когда не знаем, как дотянуться до того, кто дрожит.

Я хотел отойти, раствориться в тишине коридора, чтобы не подслушивать чужую боль, но ноги будто приросли к полу.

— Ты думаешь, ему нужны твои нотации? — продолжала Элизабет, и голос её дрожал, но не от слабости, а от той самой силы, которая появляется, когда защищаешь своего ребёнка. — Ему нужно, чтобы кто-то сел на пол, взял эти дурацкие карточки с нотами и сказал: «Падать — это нормально, главное — попробовать снова». Пит это понимает. А ты... ты даже не пытаешься.

Стэн снова что-то рывкнул — что-то про «этого артиста», про «влияние», про «не надо ему этих фантазий». Но в его голосе уже не было прежней уверенности — только обида, острая и колючая, как битое стекло.

А потом наступила тишина. Та самая, после которой понимаешь: слова сказаны, и их уже не забрать назад.

Я тихо отступил на шаг, потом ещё один, и почти бесшумно скользнул обратно к музыкальной комнате. Дверь я прикрыл, но не до конца — оставил маленькую щёлочку, чтобы слышать, если вдруг понадобится моя помощь.

Ник сидел на полу, всё так же сжимая в руках карточку с нотой, но глаза его были устремлены на дверь, будто он пытался сквозь дерево и воздух услышать, что там происходит. Он не плакал, но по тому, как он кусал губу и как крепко прижимал к себе медвежонка, было видно: он всё понял. Всё до последнего слова.

— Ник, — тихо позвал я, опускаясь рядом с ним на ковёр. — Хочешь, мы сейчас вообще ничего не будем делать? Ни нот, ни пения, ни птичек. Можем просто сидеть. Или можем пойти на кухню и попросить у миссис Харрис печенье. Или можем притвориться, что мы два капитана на корабле, и весь этот дом — огромный океан, а споры — это просто ветер, который шумит где-то далеко, за бортом.

Он медленно перевёл на меня взгляд, в котором читался немой вопрос: «А правда можно не слушать?»

— Можно, — я кивнул, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уверенно. — Можно не слушать. Можно закрыть уши ладонями, зажмуриться и представить что-то совсем другое. Или можно послушать и понять: это не про тебя. Это про взрослых, которые запутались.

Ник помолчал, потом тихо прошептал:

— Я не хочу, чтобы папа кричал на тебя.

У меня в груди что-то сжалось и тут же расправилось, как сломанная пружина, которая вдруг встала на место.

— А ты... а ты не уйдёшь, если папа будет злиться? — снова спросил он, и в этом вопросе была вся его уязвимость — такая хрупкая, что к ней хотелось прикоснуться только самыми тёплыми словами.

Я покачал головой.

— Не уйду..... Я тебя не оставлю наедине с этим штормом мы же друзья

Он чуть улыбнулся — совсем чуть-чуть, краешком губ, но эта улыбка была дороже любого овации в огромном зале.

— Тогда давай притворимся капитанами, — тихо сказал он, поднимая медвежонка и сажая его на воображаемый штурвал. — Пусть этот дом будет кораблём. А споры — просто штормом. Он пройдёт.

— Обязательно пройдёт, — улыбнулся я, подхватывая игру. — А пока мы будем держать курс на печенье и хорошие ноты. И на то, чтобы не забывать: даже если вокруг буря, внутри можно оставаться спокойным.

И мы сидели на полу, среди разбросанных карточек, и строили свой маленький корабль из слов, тишины и доверия — такой хрупкий, но такой крепкий, потому что он был нужен.

Глава пятая

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.